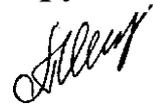

На правах рукописи

ПЫЖОВА Олеся Владимировна

**ЭТНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МИРА В ФИЛОСОФИИ
КУЛЬТУРЫ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук**

Курск - 2011

Работа выполнена на кафедре философии в Государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации

Научный руководитель:

доктор философских наук,
доктор исторических наук, профессор

Щавелёв Сергей Павлович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
кандидат философских наук, доцент

Варава Владимир Владимирович
Абаджи Ольга Викторовна

Ведущая организация:

ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Защита диссертации состоится « 23 » декабря 2011 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.104.05 в Курском государственном университете по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Курского государственного университета по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.

Автореферат разослан «19» ноября 2011 года

Учёный секретарь
диссертационного совета

Е.А. Царёва

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования заключается в практически общепризнанном осложнении, даже драматизации на рубеже XX–XXI вв. контроверзы: культурный национализм versus глобализация как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. При осмыслении и решении проблем выявления, поддержания этнокультурной самобытности и параллельного выстраивания международных отношений заявляемый в диссертации концепт «этнического образа мира» выходит на первый план сознания и поведения субъектов культурной политики, да и повседневной жизнедеятельности. Тем более в России, где современные геополитические, экономические и культурные изменения, рост межэтнических конфликтов, ксенофобских настроений в обществе, происходящие на фоне глобализации, как никогда ранее обостряют тему этнического самосознания. Отсюда интенсивный рост интереса учёных, публицистов, политиков и иных представителей гражданского общества к проблемам изучения отечественной культуры, национального характера, менталитета народа, поиска его идеи и, наконец, оправданный социально-политический заказ на формирование положительного образа России среди её сограждан и в мировом этнокультурном пространстве. При этом сохраняют свою актуальность уроки отечественной философской мысли, как профессионально-кастовой, так и публицистическо-литературной.

Исторический период, заявленный темой диссертации, выбран не случайно. Именно в XIX веке, после победы над Наполеоном, Россия оказалась втянута в самую гущу европейской политики, обрела значение одной из самых влиятельных политических сил на евразийском пространстве, что побудило мыслящих русских людей задуматься об отношении России к передовой Европе, о том, что их связывает и разделяет между собой. Именно тогда впервые широко заговорили о культурно-цивилизационном выборе России¹, на разные лады заговорили о «русской идее» как особенном и даже уникальном ориентире для исторического пути нашей Родины. Однако до настоящего времени не утихают дискуссии о влиянии национальной идеи вообще, и русской идеи в частности, на формирование этнического образа той или иной страны, о её социокультурной онтологии. Одни мыслители отводят такой идее одну из определяющих ролей, другие же вообще отрицают её научную и культурную значимость, почитая «национальную идею» мифом, идеологической спекуляцией.

Многонациональность, государственный федерализм современной России повышают идейную цену рефлексии над такими категориями, как дух народа, национальный характер, национальная (этническая) идентичность, менталитет, этнокультурный стереотип, которые так или иначе соотносятся в теории и на практике с её этническим образом. Эта проблема сегодня является одной из наиболее дискуссионных в отечественной философии, науке и общественной мысли, что подтверждает нарастающий вал выступлений в академической печати, средствах массовой информации и блогосфере.

Современное мировое сообщество в настоящее время переживает активный процесс политической, экономической и культурной интеграции. Сюда оказались

---

¹ См. подробнее: Королёва Л.Г. Цивилизационная идентичность России как проблема русской философии культуры. Курск, 2006.

вовлечены едва ли не все страны и народы, в том числе и Россия. Вместе с тем растёт и осознание негативных тенденций этого процесса — деформаций культуры в ходе глобализации. Отсюда стремление сохранить и повысить национальную (этническую) идентичность, которая формируется в недрах национального самосознания и эксплицируется в уникальный, неповторимый этнический образ того или иного народа. Накопленный до сих пор в отдельных отраслях гуманитарного знания, в том числе истории, психологии, социологии, лингвистике, этнологии и антропологии, материал относительно природы и структуры этнического образа мира практически не подвергался сводному культурфилософскому анализу. Соответствующая категория порой фигурировала в сфере историософии, социальной онтологии, но почти не интересовала представителей философской теории познания, теперь обычно именуемой эпистемологией. Моделируемый ею субъект познания и практики до сих пор не имеет национальных черт, остаётся слишком абстрактным. В реферируемой же работе акцент сделан именно на эпистемологические возможности такой универсалии культуры, как этнический образ мира.

Между тем теоретико-концептуальная основа «этнического образа мира» как категории философии культуры в настоящее время находится в стадии становления и разработки. Более того, в философско-культурологическом плане до сих пор остаётся спорной сущность самого понятия «этнос». Поэтому тематика нашей работы представляется насущной как в научном, так и в практическом планах.

Степень научной разработанности проблемы. Обсуждать этнические образы мира, не разобравшись с понятием «народа» («этнуса») и «нации», не представляется возможным. На эту тему много и плодотворно рассуждали такие отечественные учёные, как А.Н. Анфертьев, Ю.В. Бромлей, Ю.Д. Гранин, Л.Н. Гумилёв, В.И. Козлов, А.Ю. Коркмазова, А.Н. Севастьянов, В.А. Тишков, С.М. Широкого-ров и др.

В современном гуманитарном знании анализу соотношений понятий «картина мира» и «образ мира» посвящён целый ряд исследовательских проектов: А.Н. Леонтьева, В.П. Яссмана и др. в общей психологии; Р. Редфильда в психологической антропологии, С.В. Лурье и др. в этнологии; А.Я. Гуревича в истории; Н.Ф. Алефиренко, Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, Н.Е. Сулименко, А.Т. Хроленко и др. в филологии, Л.Г. Королёвой, Т.Ф. Кузнецовой, С.П. Щавелёва и др. в философии.

Механизмы формирования и функционирования образа мира детальнее всего трактуют психологи О.Е. Баксанский, Ф.Е. Василюк, Я.В. Голубова, Е.Н. Кучер, В.В. Петухов, А.П. Стеценко, С.Д. Смирнов; образы мира в разнотипных профессиях изучали Д.Н. Завалишина, Е.А. Климов. Географические координаты образа мира исследуют Е.А. Мельникова, Д.Н. Замятин.

Д. Юм в последние годы творчества заинтересовался характером народа и оставил на эту тему оригинальное эссе. Исследовательскую операциональность пониманию этноментальности придали структуралисты, начиная с К. Леви-Строса. Х. Ортега-и-Гассет распространил ментальный анализ на более широкие, нежели отдельные нации или этносы, культурно-исторические зоны. Применительно к Европе им сравниваются по мыслительным наклонностям люди Севера

(так или иначе германизованного) и люди Юга (в разной степени романизованного)¹.

Уникальную попытку типологизировать национальные склады ума предпринял теоретик естествознания П. Дюгем². В ходе проявления показательного критерия данных типов им сравниваются английская, немецкая и французская школы в естествознании (физике).

Среди современных работ, посвященных понятию менталитета, мы выделяем работы С.В. Гринёвой, Б.В. Маркова, О.А. Петренко, В.П. Тоидис. Национальному характеру и этническим стереотипам посвящены труды О.В. Беловой, К.О. Касьяновой, В.В. Красных, Д.С. Лихачёва, Ю.Е. Прохорова, С.А. Сухих, Е.Б. Ткачёвой и др. Вопросы формирования и развития национального самосознания и национальной идентичности исследовались в трудах Е.П. Крупника, В.П. Тоидис, В.Ю. Хотинец, Ф.С. Эфендиева; коллективной монографии Т.В. Беспаловой, В.Ю. Верещагина и Г.А. Филатова.

Ключевыми для культурфилософского анализа сущности и структуры этнических образов мира стали работы Г.Д. Гачева, посвящённые моделированию отдельных национальных образов мира. Сюда же примыкают научно-популярные публикации — например, Э.А. Галумова или же совместная работа О.А. Габриеляна, М.А. Араджиони, Е.Н. Гукасяна «Кросс-культурная адаптация. Этническая история Крыма. Культура мира» (2002) — как типичный образец многочисленных регионализаций темы. Кроме того, национальный образ России нетривиально проанализирован в диссертационном исследовании И.В. Борисенко³.

Вместе с тем концепт «этнического образа мира» в отечественном гуманитарном знании пока не становился предметом целостного, специального культурфилософского анализа.

Источниковой базой исследования стали тексты русских мыслителей, в первую очередь — В.И. Даля, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, И.П. Павлова и др.

Лексикографическими источниками для толкования категорий теоретического аппарата диссертационного исследования послужил ряд словарей, начиная со знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля.

Объект и предмет, цель и задачи диссертационного исследования. **Объектом** исследования стал этнический образ мира как проблема философии культуры. **Предмет** — культурфилософский анализ этнического образа России в русской мысли второй половины XIX – начала XX века. **Цель** — выявление национальных особенностей образа России у отечественных философов упомянутого времени в контексте современных дискуссий о природе этнического образа мира.

Цель, объект и предмет определили **задачи** исследования:

– реконструировать полемику относительно категории «этнос» в гуманитарном знании и уточнить современные теоретико-методологические подходы к её интерпретации;

---

¹ Ортега-и-Гассет Х. Кант (1724–1924). Размышления по поводу двухсотлетия // Феномен человека. Антология. М., 1993. С. 240.

² Дюгем П. Физическая теория, её цель и строение. СПб., 1910. С. 175.

³ См.: Борисенко И.В. Национальный образ России: философско-культурологический анализ. Дисс. ... канд. филос. н. Ростов н/Д., 2008.

- выявить структурообразующие компоненты понятия «этнический образ мира»;
- раскрыть роль обыденного сознания в формировании образа страны; механизмы его формирования, поддержания, изменения;
- эксплицировать образы России, созданные русскими мыслителями второй половины XIX – начала XX века, и сопоставить их с концептуальными представлениями, проявленными в современных дискуссиях относительно культурно-цивилизационной идентичности нашей страны.

Идейно-теоретические установки исследования восходят к трудам тех русских философов и учёных, которые наиболее глубоко, на наш взгляд, трактовали проблему этнического образа мира, включая В.И. Даля, а также И.П. Павлова, чьи публичные чтения о «Русском уме» составили важную веху обсуждения темы.

Методологическую основу работы образуют, прежде всего, такие философские принципы научного исследования, как системность и объективность; сочетание историзма и актуализма; единство исторического и логического, а также методы обобщения, систематизации; философско-компаративистский подход; теоретический анализ исторической, философской и лексикографической литературы. Многоаспектность анализируемого теоретического аппарата требует междисциплинарного подхода к решению исследовательских задач.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем, во-первых, определена категория «этнического образа мира», складывающаяся на основе конкретно-научного изучения истории, психологии, социологии, языкознания и некоторых других сфер изучения национальных культур разных народов.

Во-вторых, в работе акцентировано, что при репрезентации образа мира того или другого конкретного народа необходимо сочетать социально-психологический подход с когнитивно-эпистемологическим анализом, то есть учитывать не только стихийно-бессознательные, но и так или иначе рационализируемые его подсистемы — на уровне не только научно-философского, но и вненаучного, практического знания данного феномена.

В-третьих, прослежены поиски правдивого представления о душе и уме своего народа с самого начала профессионализации отечественной философии в XIX в., которые составляли один из лейтмотивов российского умозрения; рубежными моментами данной линии философско-культурологической рефлексии выступают рассмотренные в диссертации варианты полемического общения: 1) западников и славянофилов; 2) либералов и консерваторов, 3) мистиков и реалистов в составе русской философии второй половины XIX – начала XX века; 3) современные (1990-х – 2000-х гг.) дискуссии об отсутствии или наличии «русской идеи», её возможном содержании.

В ходе диссертационного исследования были получены следующие результаты:

- категория «этнос» представлена (на основе сравнения её основных трактовок) в её операциональном, применимом для культурологических исследований понятийном содержании, при одновременном учёте теоретико-методологических сложностей её же сущностной концептуализации;

– произведена экспликация понятия «образа мира» и прояснены его логические соотношения с такими идейно близкими определениями, как «картина мира», «дух народа», «национальный характер», «менталитет» и т.п.;

– предложена дефиниция категории «этнический образ мира» как набора исторически оправданных установок восприятия и освоения типичных ситуаций жизнедеятельностей представителей той или иной этнической общности людей;

– выявлены концептуальные крайности в определении конкретных мирообразов разных народов — рекламно-феноменологический, тиражируемый для массового сознания, прежде всего, в коммерческих целях, с одной стороны, и философско-культурологический, пытающийся рационализировать предельно сложные структуры национального самосознания; в качестве образцов того и другого подхода к рассматриваемому феномену сопоставлены концепции Г.Д. Гачева и Э.А. Галумова;

– дана авторская трактовка двух взаимодополнительных типов формирования и функционирования этнических образов мира: первый — на уровне возможностей обыденного сознания, второй — в идеологической сфере, обслуживаемой представителями интеллектуальной элиты того или иного народа; предложен вариант логического соподчинения наиболее частотных концептов этой сферы философии культуры, а именно «менталитет», «национальная идентичность», «национальная идея»;

– намечены и охарактеризованы основные варианты осмысления этнического образа мира на примере русского этноса и русской ментальности в контексте отечественной философии культуры, начиная со спора западников и славянофилов, продолжавшегося во всё новых условиях до наших дней, и заканчивая противоречивыми попытками сформулировать национальную идею для модернизирующейся России;

– в ходе историко-культурологического сопоставления привлечены такие представители нескольких поколений отечественных мыслителей и общественных деятелей, которые в своих исканиях «русской идеи», «русского ума», «предназначения России» руководствовались мировоззренчески и методологически противоположными установками: западничества и славянофильства; идеализма и материализма; мистицизма и позитивизма; политического либерализма и консерватизма.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что её результаты позволяют более конструктивно осмысливать насущные проблемы национальных историй и перспектив развития народов Земли; обсуждать реальные возможности международного сотрудничества и проблемы преодоления деструктивных последствий глобализации нашего мира.

Полученные нами выводы в диссертации возможно использовать при разработке исследовательских и педагогических программ в области дальнейшего изучения и преподавания философии культуры, истории русской философии и общественной мысли, этнически ориентированных; а также философии истории, этнологии, теоретической лингвистики.

Апробация диссертации. Основные результаты, полученные автором диссертации, отражены в его публикациях (в том числе в трёх центральных периодических изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертаци-

онных исследований). Результаты исследования докладывались автором на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: «Наука и гуманизм: взгляд в будущее» (Курск, 2008); «Университетская наука: теория, практика, инновации» (Курск, 2009); «Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики» (Курск, 2009); «Молодёжная политика: проблема инновационного развития в условиях экономической нестабильности» (Курск, 2009); «Проблемы истории Центральной и Восточной Европы» (Брянск, 2009); «Фольклорные традиции в контексте современной культуры и образования: Юдинские чтения – 2010» (Курск, 2010); «Духовные ценности российского общества в XXI веке», (Курск, 2010); «Межэтническая толерантность как технология духовной практики» (Курск, 2010); «Социокультурные процессы в современной России» (Курск, 2010); «Будущее России в свете реалистической философии» (Санкт-Петербург, 2010); «Этническое будущее России: научно-философское осмысление» (Санкт-Петербург, 2010); «Православие в истории и культуре России» (Курск, 2010); «Университетская наука: Взгляд в будущее» (Курск, 2011); Международной научной конференции «Дэвид Юм и современная философия» (Москва, Институт философии РАН, 2011).

Материалы диссертации были использованы автором при проведении занятий по философии, культурологии, политологии, истории и теории религии на ряде факультетов Курского государственного медицинского университета, а также в подготовке элективного курса «Традиции русской культуры».

Работа выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре философии Курского государственного медицинского университета.

Структура диссертации. Структура диссертационного исследования определяется его целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, включающих в себя семь параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы; сформулированы проблема, цель, задачи, объект и предмет исследования; очерчена источниковедческая база работы; определена степень научной разработанности её тематики; охарактеризована методологическая основа диссертационного исследования; подчеркнуты его научная новизна, теоретическая и практическая значимость; приведены сведения по апробации работы.

Первая глава – «Категория «образ мира» в ансамбле эпистемологических универсалий культуры» – представляет собой попытку обоснования теоретико-концептуальной основы «этнического образа мира» в качестве категории философии культуры. Рассматривается проблема неоднозначности и противоречивости в определении содержания таких понятий, как «этнос» и «нация», «образ мира» и «картина мира», «национальная (этническая) идентичность», «менталитет», «национальный характер», «этнокультурный стереотип», которые в своей взаимосвязи, идейно-эмоциональном «резонансе» позволяют выявить, концептуализировать уникальный образ той или иной страны, народа, культуры.

В первом параграфе первой главы — «Понятие «этнос» и споры о природе этничности в гуманитарных науках» — рассматриваются основные подхо-

ды к определению и признанию правомерности использования категории «этнос» в современном гуманитарном знании. В первую очередь обсуждается вопрос о соотношении понятий «этнос» («народ») и «нация» («национальность»), решаемый в рамках диссертационного исследования в пользу их если не отождествления, то категориального сближения. Данные категории имеют близкую этимологию: русскоязычные кальки «этноса» и «нации» восходят — первая к греческому ἔθνος (народ), а вторая — к латинскому natiō (племя, народ), существительному, образованному, в свою очередь, от глагола nasci (рождаться). Так что узкофилологически мы имеем с этими терминами нечто отличное от «природы» («физис», «натура») онтологически, но эквивалентное ей по объективной укоренённости, принудительности, только в сфере культуры, внутри социума.

Если к понятию «нация» активно апеллировали ещё с античности, то понятие «этнос» в качестве научной категории появляется только во второй половине XIX века в Европе и в начале XX века входит в научный обиход отечественного гуманитарного знания. Отдельные попытки дискутировать по теории национального вопроса внутри советской философии содержательного выхода не получили. Зато уже в 1970-е годы в СССР появились две фундаментальные теории именно этноса, а не нации — концепция пассионарности Л.Н. Гумилёва, с одной стороны, а с другой — концепция, разработанная коллективом учёных под руководством тогдашнего директора Института этнографии АН СССР Ю.В. Бромлей. Л.Н. Гумилёв, настаивая, что этнос не является ни обществом, ни расой, ни популяцией, определяет его как «коллектив особей, имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причём обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос — это элементарное явление, несводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям»¹. Ю.В. Бромлей же предлагает определять этнос как «исторически сложившуюся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований». Другими словами, он рассматривает этнос как социальную общность, как реально существующую группу людей с характерными только ей чертами, такими как язык, психика, культура, идентичность, и отличающуюся от других групп. Кроме того, он выделяет *этникос* (этнос как осознанная языково-культурная общность) и *этносоциальный организм* (взаимодействие этноса с социальными институтами, например, с семьёй, государством)².

В данном параграфе прослеживаются также особенности различных концепций этносов и наций, начиная с XVIII века и до современных подходов к их изучению. В начале XXI века проблема теории этноса рассматривалась в различных концепциях и сводилась преимущественно к трем подходам понимания этноса — примордиалистскому (П. Ван ден Берг, Л.Н. Гумилёв), инструменталистскому (Дж. Дэвис) и конструктивистскому (этнолог Ф. Барт). Ю.Д. Гранин выделяет четыре подхода к изучению и трактовке наций и этносов: натуралистический, социентальный, субъективно-символический и инструментально-конструктивистский.

---

¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 53.

² Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 37.

Всё же к сегодняшнему дню в отечественной гуманитарной науке оформились преимущественно два главных подхода к пониманию сущности этничности. Первый сами этнологи называют *конструктивистским*, поскольку тот отрицает наличие этноса как объективного начала общественной жизни и сводит этничность к субъективным, умственным — ментальным или даже исследовательским конструкциям. Иными словами, к самосознанию этнического единства, «комплексу чувств, основанных на принадлежности к культурной общности», «ощущению социальной комфортности» или же «информационной структуре» внутри такого объединения, «дискурсивной (словесно-концептуальной), а не общественно-политической практике».

Другой же, альтернативный подход к этничности именуется *примордиалистским*. Он носит онтологический характер, поскольку настаивает на существовании некой этнической субстанции — устойчивых, атрибутивных и влиятельных качеств личностей и социума, предопределяющих их деление на различные этносы¹. Эта парадигма этничности варьируется в достаточно широких пределах — от упрощённого физико-биологизма, эклектически смешанного с историософским мистицизмом (Л.Н. Гумилёв)² — через плюралистическую трактовку этничности как социальной категории, учитывающей влияние как истории культуры, так и внешней для общества среды и биологической природы людей (у большинства этнографов-профессионалов) — и до вполне материалистического (техно-экономического) понимания этногенеза (в официальной историографии СССР).

В диссертации отмечается, что споры о природе этничности и соотношении понятий «этнос» и «нация» не являются целью исследования, а этническое и национальное определяются как тождественные и взаимозаменяющие друг друга понятия, что обусловлено обращением к образу России в тот конкретный исторический период (рубеж XIX – XX веков), когда этнос как категория не употреблялся. Поэтому первый параграф ограничен формулированием этноса как общности людей, имеющей общий язык, культуру, социально-экономическую и государственно-правовую базу, своеобразно-индивидуальный стереотип поведения, объединённой единой территорией, обладающей комплексом обычаев, традиций и сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме), а также едиными ценностными ориентациями.

Во втором параграфе — «Образ мира: ступени философско-культурологической концептуализации» — обосновывается необходимость и правомерность использования в философском и социально-гуманитарном знании пока менее распространённой категории «образ мира», вместо достаточно широко употребляемого понятия «картина мира». Путём специального рассмотрения вопроса о соотношении данных категорий в различных отраслях гуманитарной нау-

---

¹ См. подробнее: Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М., 1999. С. 11–12; Рыбаков С.Е. Национализм и нация // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 4–6; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 16–17.

² Нынешние попытки защитить гумилёвскую версию этногенеза от критиков и почти полностью легализовать её в академической среде не отличаются убедительностью. См., например: Киркин М.А. Философско-историческое содержание теории этногенеза Л.Н. Гумилёва. Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 2011.

ки были получены выводы о том, что при культурфилософском понимании концепты «образ мира» и «картина мира» находятся между собой в категориально близких, но не тождественных связях.

Представлено всё многообразие интерпретаций понятия «образ», прежде всего на основе лексикографического материала, начиная с «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и включая «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова (в современной редакции 2010 г.). Выводы в ходе семантического анализа вышеназванной категории позволяют утверждать, что этнический образ мира, который складывается и бытует у того или иного народа, в сущности, представляет собой некий образец для составляющих эту общность людей так или иначе реагировать на важнейшие жизненные ситуации. Перед нами – набор социально-психологических стереотипов, который формируется из исторического опыта глубоко в сознании на протяжении всего исторического пути этого народа, который служит ориентиром в межкультурных взаимодействиях и опорой в определении национальной идентичности.

Последовательно проанализирован процесс становления категории «образ мира» в современном гуманитарном знании. Выяснено, что едва ли не впервые это понятие обосновал признанный лидер советской психологической науки А.Н. Леонтьев в статье «Психология образа» (1979). Там пояснялось, что «образ мира — это методологическая установка, предписывающая исследование когнитивных процессов индивида в контексте его субъективной картины мира, как она складывается у этого индивида на протяжении развития познавательной деятельности. Это — многомерный образ мира, образ реальности»¹. Затем психологические концепции образа мира развивали его последователи А.Д. Смирнов, В.В. Петухов, Ф.Е. Василюк и А.П. Стеценко. Затем данную категорию так или иначе адаптировали к своему материалу представители некоторых других сфер конкретно-гуманитарного исследования, а также философы и культурологи.

В итоге, можно сказать, что образ мира представляет собой определённую систему, комплекс осознанных и неосознанных человеком и, соответственно, группой людей явлений реальности, постоянно расширяющуюся и обусловленную принадлежностью человека к определённой культуре. Образ мира развивается в процессе формирования общественного и индивидуального сознания, является его проявлением и тем самым отражает его структуру. К тому же «образ мира» так или иначе обязательно обусловлен этнически и предполагает постижение человеком окружающего мира через национальную культуру своего народа.

В третьем параграфе — «Этнический образ мира: сущность и структура» — предпринята попытка осмысления путей и результатов формирования национально окрашенного восприятия действительности субъектом познания и практического действия.

В качестве двух крайних в сложившемся понимании интересующего нас феномена точек зрения резюмируются соответствующие концепции этнических (национальных) образов мира культуролога Г.Д. Гачева и политика и общественного деятеля Э.А. Галумова.

---

¹ Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.

Концепция Космо-Психо-Логоса Г.Д. Гачева рассматривается в качестве концептуальной крайности поверхностно-феноменологической трактовки этно-сознания. Он подчёркивает, что его интересует, прежде всего, не весь «национальный характер», слишком часто мистифицируемый, а именно национальное воззрение на мир; не психология, а своего рода гносеология, национальная логика, склад мышления; т.е. то, какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир и, соответственно, какой «космос» (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях науки. Вот такой особый «поворот», в котором предстаёт бытие данному народу, и составляет национальный образ мира.

Национальную целостность Гачев определяет как Космо-Психо-Логос, который образуется из всего бытия данного народа, включая и особый склад природы (материю, вещество), быт, язык, историю (культуру), этнос и характер (психику)¹. Подобно тому, объясняет он, как каждое существо есть троичное единство: тело, душа и дух, — так и всякая национальная целостность есть единство местной природы (Космос), характера народа (Психея), склада мышления (Логос). В таком Космо-Психо-Логосе три элемента национальной целостности находятся, по мнению Гачева, в отношении и соответствия (тождества друг другу), и взаимной дополнительности (противоположности и уравнивания).

Э.А. Галумов в духе навязываемых туристической и товарной рекламой стереотипов уверенно предлагает учитывать по меньшей мере шесть образов (перцептивных клише) той или иной страны: политико-географический (например, США — Новый Свет; Китай — Поднебесная; Швейцария — Жемчужина Альп; и т.д.); природно-ресурсный (Япония — Страна восходящего солнца; Англия — Туманный Альбион, США — прежде всего Дикий Запад); цивилизационно-культурный (в России — Кремль; в США — статуя Свободы; в Китае — Великая стена); социально-ментальный (например, считается, что немцы точны и аккуратны, американцы деловиты, а итальянцы темпераментны); производственно-экономический (США — доллар, кока-кола; Франция — мода, вино, устрицы и лягушки в гастрономии; Германия — автомобили, технологии строительства, оптика и т.д.); и национально-ценностный (например, США — свобода и независимость; Япония — пожизненная верность служащего фирме; Великобритания — соблюдение традиционных правил, несмотря ни на что; и т.п.). Упрощённость и фрагментарность подобных ассоциаций не вызывает у нас сомнения. При всей спорности и случайности отмеченных стереотипов приведённый краткий перечень был и остаётся неизбежной конкретизацией, операционализацией на уровне практики межкультурной коммуникации на самом деле неизмеримо более сложных характеристик отдельных вариантов внешней репрезентации того или другого народа, страны его обитания (начиная с рекламной организации международного туризма, страноведческой подготовки молодёжи).

Развивая отмеченные концепции этнообразов, возможно прийти к следующим выводам. Способов формирования этнических образов мира можно представить по меньшей мере два: с одной стороны, этнические образы мира образуются на уровне обыденного сознания путём наслоения друг на друга особенностей мен-

---

¹ См.: Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М., 2003; Национальности образы мира. Соседи России. М., 2003; Космо-Психо-Логос. М., 2007.

талитета того или иного народа и определённого набора этнокультурных стереотипов, неявно и постоянно существующих и взаимодействующих как в коллективном, так и в индивидуальном сознании, и воплощённых в представлениях о национальных чертах характера, такой тип моделирования образа страны характерен и доступен подавляющему большинству людей; с другой стороны, этнические образы мира могут возникать как результат более сложного интеллектуального процесса, основанного на взаимовлиянии таких составляющих сознания, как менталитет, этническое самосознание и этническая идентичность, который характерен для мыслящей части того или иного народа, для интеллигентов или, по-западному, интеллектуалов.

Этнический образ мира, возникающий по первому типу, детерминирован менталитетом, трактуемым как некий склад ума, настрой души большей или меньшей общности людей. Иначе говоря, менталитет представляет собой устойчивую форму коллективного бессознательного, которая сформировалась в процессе этногенеза и воспринимается народом как естественная, при этом не вполне или же вовсе не рефлектируется сознанием. В самом общем виде он может быть определён как некая специфика психической жизни представляющих данный народ людей, характерная только для этого конкретного народа и отличающая его от других народов. Именно в этом плане менталитет пересекается с понятием «национальный характер», под которым понимают присущий представителям данной нации набор основных личностных черт, а также систему основных существующих в этносе представлений (установок, верований, ценностей, умонастроений и т.п.)¹. Результатом и соответственно аккумулятором практического применения таких общенародных мыслительных тенденций становится тот особый образ мира, некоторый тип привычного решения вечных проблем жизни и культуры, который присущ определённому этносу. Однако представители различных этносов, в силу неизбежной (обусловленной природной средой, политической системой) ограниченности своих познавательных способностей, не могут обладать абсолютными знаниями о нём, быть вполне информированным. Этот недостаток они со временем научаются преодолевать, систематизируя и классифицируя все полученные знания об окружающем мире путём их превращения в различные стереотипы.

Другой тип формирования этнических образов мира основывается, помимо менталитета, национального характера и этнокультурного стереотипа, на сложном взаимодействии таких составляющих, как этническое самосознание и этническая идентичность. Кроме того, этническое самосознание рассматривается и как признак этнической общности. Так, специфика собственно российского самосознания, как признают многие его исследователи, состоит в опоре на духовные ценности². Если этническое самосознание представляет собой осознание принадлежности к тому или иному народу, осознание себя одним из многих его представителей, то этническая идентичность выступает как результат эмоционально-когнитивного процесса осознания этнической принадлежности.

---

¹ Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России). М., 1997. С. 12.

² Сравнение этого показателя с европейскими вариантами менталитета см.: Маарков Б.В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб., 1993. С. 110–111.

В четвёртом параграфе — «Этнос как субъект мировосприятия и формы функционирования национального образа мира в культуре» — речь идёт о том, что особенности мировосприятия того или иного этноса формируются, прежде всего, в условиях повседневного существования, по сути выживания его многочисленных представителей на решающих этапах этно- и нациегенеза, а значит, возникают и интегрируются средствами обыденного познания. Не случайно именно обыденный опыт людей многие философы отождествляют с практическим знанием в целом, так называемой народной мудростью. Повседневный навык освоения непосредственных условий быта и сравнительно простого труда определяется при этом как обыденно-практическое (со)знание. В мудрости любого народа обобщены и опыт повседневного выживания на протяжении веков, и познания, накопленные к сегодняшнему дню с помощью важнейших профессий практики. Народная мудрость более или менее успешно противостоит тёмным, иррациональным слагаемым массового сознания, абсурдным, пережиточным пластам мышления типичных представителей того же самого этноса.

Хотя в современной философии не уделяется достаточного внимания низовым, «вульгарным» пластам народной культуры, их роль в оформлении этнообразов мира трудно переоценить. Из поколения в поколение передаются и «шлифуются», «доводятся» до совершенства маленькие шедевры сословного или общенародного опыта — приметы, поверия, присказки, поговорки, пословицы, прибаутки, сказы, припевы, заговоры, причитания, плачи, разные обычаи и обряды трудящейся отдыхающей, молящейся, играющей жизни. Такие явления общественно-го сознания и поведения именуется ещё «народной наукой», «протонаукой», «этнонауками»¹. Дело в том, что развитие того или иного народа исторически «требовало накопления и сохранения наблюдений, сведений, успешного опыта, относящихся к тем или иным важным для людей сферам их жизнедеятельности. Вот эти запасы сведений, постепенно накапливаемые в ходе длительного опыта, и называются народными науками. Народная наука является продуктом коллективного сознания, и это нередко проявлялось в самой открытой форме»².

Показано, что этнос, обладая идентичностью наряду с личностью, социальной группой, культурной общностью, безусловно, является субъектом мировосприятия, носителем и хранителем духовного опыта, приобретая и используя знания из вненаучной сферы. При этом различная деятельность отдельной личности, коллектива, общества, этноса всегда представляла собой бинарность материальной и духовной сфер. Другими словами, в любой деятельности материя и сознание, теория и практика, объект и субъект тесно связаны между собой, что даёт основание полагать, что этнос, являясь субъектом социальной деятельности, выступает одновременно и субъектом мировосприятия.

---

¹ См. серию публикаций по итогам масштабного проекта, инициированного и координируемого член-корр. РАН И.Т. Касавиным: Магический кристалл. М., 1992; Знание за пределами науки. М., 1994; Касавин И.Т., Щавелёв С.П. Анализ повседневности. М., 2004; Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд. М., 2008; Ценностный дискурс в науках и теологии. М., 2009; Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М., 2010; Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии. М., 2010.

² Филатов В.П. Научное познание и мир человека. М., 1989. С. 139.

Таким образом, своеобразие психического покрова той или другой наций, суб- или наднациональных общностей людей, в конечном счёте, обусловлено естественно-географическими и социально-экономическими условиями формирования и длительного существования носителей данного этноса. Этот уклад народной психики (ментальность) проявляется в преданиях, обычаях, верованиях, обрядах, привычках и прочих традициях культуры, социальных нормах повседневного поведения. А эти традиции и нормы, в свою очередь, оказывают всепроникающее влияние на личную и общественную жизнь тех, кто причисляет себя к данному этносу. Среди прочих характеристик этноса как субъекта познания и в целом мировосприятия мы предлагаем учитывать его национальные, этнические особенности.

Вторая глава — «Образ России как проблема отечественного умозре-ния» — раскрывает идейные предпосылки возникновения проблемы определения образа России, её исторического пути и исторических задач. Отмечено, что отправной точкой в проявлении национального самосознания является пробуждение в народе осознания себя (своего народа) и своей культуры как соравной другим народам и культурам, ощущения своей причастности к развитию (духовному и цивилизационному) всего человечества¹. В истории России подобным примером может служить своеобразный этнодуализм «Россия — Европа» или шире «Россия — Запад», обсуждение которого, особенно бурно начавшееся в XIX столетии с известного спора западников и славянофилов, не теряет своей актуальности и в XXI веке. Анализируется современное состояние проблемы определения самобытного образа России, рассматриваемое в контексте философских размышлений мыслителей двух прошлых столетий.

В первом параграфе второй главы — «Рождение русской идеи в споре западников и славянофилов: В.И. Даль, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин» — по текстовым следам духовных поисков этих мыслителей второй половины XIX века прослеживается становление соответствующего идейного эквивалента отечественного самопознания.

Славянофилы и западники, на наш взгляд, — не абсолютно противоположные направления русской мысли XIX века, а, скорее, дополняющие друг друга течения, в идейной ориентации которых существовало единое ядро — сохранение и развитие национальной самобытности, самоидентичности русского народа через изучение его исторического прошлого, осознание исторических задач настоящего и направленность исторического развития будущего. Различали же их, прежде всего, средства и способы достижения этой цели: западники были глубоко убеждены, что все внешние формы столь уважаемой ими западной цивилизации с её техническими достижениями, наукой, законодательством и государственными формами будут только способствовать проявлению и реализации наших коренных ценностных идеалов², а славянофилы, в свою очередь, полностью не отвергая проявлений западной культуры на русской почве, всё же считали, что создание русской цивилизации возможно только по собственному уникальному, самобытному сценарию.

---

¹ См. подробнее: Сиземская И.Н. Русская историософия как форма национального самосознания // Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 26-28 окт. 2006 г. М., 2007. С. 58.

² Касьянова К.О. О русском национальном характере. М., 2003. С. 49.

Бесспорно одно — под влиянием горячего спора западников и славянофилов русское народное самосознание не только сделало заметный шаг вперёд, но и сумело впервые обозначить свои идеальные цели и сформулировать национальные задачи и стремления. Так начинал зарождаться феномен русской идеи. В этой связи наиболее интересным и примечательным примером таких исканий представляются философские размышления одного из самых малоизученных в этом вопросе русских мыслителей К.Д. Кавелина, имя которого в отечественной науке ассоциируется, прежде всего, с историей и юриспруденцией. В ходе анализа эпистолярного и научного его наследия было установлено, что во время учёбы в Московском университете корифеи славянофильства оказали настолько сильное влияние на юного К.Д. Кавелина, что даже сближение его в 1840-е гг. с одним из самых ярких западников В.Г. Белинским, а затем с Т.Н. Грановским и А.И. Герценом и активная западническая позиция не давали оснований относить его полностью к западникам. Хотя в современном гуманитарном знании имя К.Д. Кавелина ассоциируется, прежде всего, с западничеством. Но к концу XIX столетия мыслитель составил свой собственный образ пореформенной России: нищей, голодной, пытающейся догнать Европу, но при этом ещё не до конца утратившей своей самобытности. И хотя в своих письмах он называл славянофилов русскими фантазёрами, покрывшими себя срамом, которые отныне должны уйти со сцены, тем не менее отпечаток именно славянофильских установок довольно отчётливо читается в его эпистолярных строках. Кавелин был убеждён, что каждый мыслящий человек, переживающий за судьбу своей Родины, не может не чувствовать себя наполовину славянофилом, наполовину западником, потому что оба воззрения выражали и формулировали только две стороны одной и той же русской действительности, которые, безусловно, необходимо отграничивать одну от другой, но которые в живой действительности навсегда останутся непосредственно слитыми в одно целое. Именно такие философские умонастроения мыслитель отстаивал уже до конца своих дней.

Не менее интересный образ России обнаруживается у другого русского мыслителя, историка, философа, правоведа Б.Н. Чичерина, который, как и К.Д. Кавелин, в отечественной науке наиболее изучен и востребован как правовед. В 40-е гг. XIX в. одним из учителей Чичерина, оказавших на его мировоззрение определяющее влияние, был Кавелин, твёрдо стоявший в то время на западнических позициях, поэтому увлечение славянофильством вскоре сменилось у Чичерина западническим умонастроением. Но, в отличие от идеологических исканий и мировоззренческих метаний Кавелина, его умонастроения до конца его дней оставались западническими. Безграничная вера Чичерина в способность национального характера меняться, не изменяясь в своём существе, вселяла в мыслителя надежду, что европейский путь исторического развития, в итоге, изменит к лучшему будущее России, сохранив при этом неповторимый русский колорит. Убеждённый гегельянец Чичерин верил, что абсолютный дух является движущей силой в прогрессивном развитии человечества, «а каждому народу на этом пути предстоит исполнить свою долю в совокупном деле»¹. Однако для всех народов путеводной звездой должны быть общечеловеческие начала, которые, составляя собственную

---

¹ Чичерин Б.Н. Историческое развитие // В его кн.: Избранные труды. СПб., 1997. С. 427.

природу духа, выясняются самосознанием и осуществляются движением всемирной истории.

В борьбе с глубоким разладом в российской действительности, окружающим её мраком Чичерин видел призвание всех способных мыслить и чувствовать в России, и для исполнения этой задачи должно не отрекаться от всемирной истории, как от чего-то чуждого, возлагая все свои надежды на тёмные инстинкты масс, а напротив, обратить внимание на то, что добыто мировым развитием духа, а потому составляет достояние всего человечества. Именно в этом Чичерин видел историческую задачу России. Кроме того, важную роль в формировании народного самосознания он отводил преданиям того или иного народа, дающие народу те практические и руководящие начала, без которых человеческий разум теряется среди множества разнородных решений. Идя шаг за шагом, опираясь на прошедшее, народ сохраняет направление, свойственное его характеру, быту, времени, обстоятельствам.

Наиболее полно и глубоко влияние фольклора на формирование особенностей национального самосознания и национальной культуры средствами языка проявилось и стало определяющим в творчестве учёного-лексикографа и писателя В.И. Даля. Уже в середине XIX столетия он отмечал в своих статьях неизбежное влияние посредством языка на русское сознание западнических умонастроений, наиболее полно обнажившееся в упомянутых выше спорах и дискуссиях славянофилов и западников о путях дальнейшего развития России. Одной из наших задач в контексте анализа творчества В.И. Даля является попытка философско-культурологического прочтения его произведений с целью обнаружения самобытных этнических характеристик русского народа как субъекта познания окружающего мира и носителя народной мудрости как вненаучной формы миропонимания. Особый интерес в этом контексте для нас представлял «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, в котором он не просто истолковывает то или иное слово, но применяет при его описании этноязыковую характеристику, что и помогает разобраться в лабиринтах русского самосознания.

Во втором параграфе — «На революционном изломе: И.П. Павлов, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин о противоречиях "русского ума"» — рассматривается та идейная трансформация познания образа России, которую осуществляли мыслители пред- и послереволюционного времени. С точки зрения рационализации, концептуализации спекулятивных рассуждений вокруг россиеведения, нами выделяется творчество Н.А. Бердяева и И.А. Ильина, а также общественно-политические размышления академика И.П. Павлова.

Впрочем, этой же теме уделяли то или иное внимание едва ли не все представители русского религиозного возрождения; каждый — в соответствии со своей мировоззренческой принадлежностью. Так, для интуитивиста Н.О. Лосского, скажем, характер нашего народа «религиозный. Вплоть до искания абсолютного добра, с высоким уровнем нравственного опыта различения добра и зла, эмпатичностью — чутким восприятием чужих душевных состояний; вообще — повышенным интуитивизмом, страстностью и силой воли в парадоксальном сочетании с "обломовщиной"»¹. А С.Л. Франк в брошюре «Русское мировоззрение» утверждал, что таковому чужды позитивизм, агностицизм, скептицизм. Отечественная интеллек-

---

¹ Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 2001. С. 35.

туальность, с точки зрения этого поклонника апофатической философии и христианского платонизма, представляет собой нечто среднее между чистой рациональностью Западной Европы и туманным рационализмом Востока. Систематическое и понятийное познание, в принципе доступное россиянину, выглядит в его глазах слишком схематичным, не способным обеспечить полную и живую истину. Наша, русская истина неотрывна от правды, а рациональное в ней — от переживаний. Мы предпочитаем жизненно-интуитивное постижение бытия в сочувствии к нему и переживании его¹.

Н.А. Бердяев усматривает противоречивость и сложность русской души в том, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия представляет собой целую часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира. Но при этом он выделяет пять образов России по ходу её истории: Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская, Россия советская. Принципиальным при их рассмотрении для философа является принцип антиномичности, согласно которому противоположные начала уживаются на каждом из этих этапов, которые, в свою очередь, не только отрицают, но и предполагают предшествующий — последующий. Поэтому российская душа «стихийная, природно-языческая, необъятная, бесформенная, устремлённая в бесконечность, то ортодоксальная, то еретическая»².

Вместе с либералом Бердяевым в 1922 г. за свои антикоммунистические убеждения из России был выслан и государственный консерватор И.А. Ильин, который вскоре стал одним из главных идеологов русского Белого движения. Находясь вдали от России, он создал её христианский образ. В соответствии с ним, «есть восторг от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати, в путях Его Царствия. А правильные пути, ведущие к национальному возрождению России, следующие: вера в Бога; историческая преемственность; монархическое правосознание; духовный национализм; российская государственность; частная собственность; новый управляющий слой; новый русский духовный характер и духовная культура»³. Другими словами, «национализм есть любовь к исторически-духовному облику своего народа, вера в его Богоблагодатную силу, воля к его творческому расцвету и созерцание своего народа перед лицом Божиим»⁴.

Как известно, Бердяев в итоге своих размышлений в принципе принял новую российскую власть, декларировавшую интернационализм. Тогда как Ильин до последнего оставался ярым её противником и разумным националистом, свято веря, что тяжёлое время, которое переживала на тот момент Россия, - это вполне закономерный период на пути к светлому будущему, а задача истинных патриотов состоит в том, чтобы с достоинством перенести все испытания и стать от борьбы за Россию сильнее.

Если спроецировать эти выводы Бердяева и Ильина относительно России на старый спор западников и славянофилов, то оба они демонстрировали, в сущности, славянофильские установки, только корректируемые западной дилеммой ли-

---

¹ См.: Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 83, 91.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2009. С. 8–9.

³ Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М., 2007. С. 10.

⁴ Там же.

берализма и консерватизма. Поэтому решение исторических задач России и её место в мире представлялось ими по-разному.

Более приземлённо и по-своему реалистично высказался по рассматриваемой проблеме родоначальник науки о высшей нервной деятельности И.П. Павлов, который, в отличие от Бердяева и Ильина, не уехал за границу, а остался в России. Может быть, поэтому, а также в силу здоровых для экспериментатора позитивистских установок его образ России выглядит сегодня едва ли не более актуальным. Интересно, что его многочисленные высказывания, выступления, в которых он сравнивает Россию и Запад, содержат в себе положительное отношение к укладу европейской жизни и достижениям европейской науки, в то время как уже рассмотренные нами воззрения В.И. Даля, также врача по профессии, содержат славянофильский подтекст.

В переломном 1918-м году в Петрограде И.П. Павлов прочитал цикл публичных лекций «Об уме вообще и о русском в частности» (сюда же вошла его нобелевская лекция; позднее эти доклады увидели свет в виде брошюры). Академик резонно определяет выражение «русский ум» как не более чем определённый срез общественного сознания всего многонационального и вообще социально пёстрого населения недавней Российской и будущей Советской империи. Собственно этническое первоначало здесь дополняется общественно-политическим и отчасти сливается с ним. Это с внешней, так сказать, стороны. А со стороны внутренней, содержательной, русский ум, – подчёркивает он, – как и всякий другой национально-государственный ум, неоднороден. В нём различаются, прежде всего, интеллект учёных, в значительной степени интернационализированный на европейский манер, и «массовый, общежизненный ум, который определяет судьбу народа». Из этой последней интеллектуальной формации академик вычитает «ум низших масс» (в тогдашней России — крестьянства по преимуществу). Достойным представителем обычного русского ума им почитается мышление интеллигентов (или, по-западному, интеллектуалов), т.е. специалистов практических профессий.

Павловская характеристика умонастроений так называемых культурных классов в России сводится в основном к отрицательным определениям, контрастам «до наоборот» по сравнению с умственными устоями цивилизованного Запада. «Очевидно, у нас рекомендуемыми чертами являются не сосредоточенность, а натиск, быстрота, налёт», мода на идейную новизну. Учёный осуждает такие «плевели» в умственном настрое своих соотечественников, как склонность к крайностям, терпимость к идейному «туману» самых общих фраз, самозабвенная вера в своё душевное превосходство перед «гнилым» Западом, особую культурно-историческую миссию матушки-России. Ум её сынов не склонен покоряться жестоким истинам, предпочитая искать себе утешения в сладких грёзах¹.

И.П. Павлов надеялся, что горький диагноз поможет больной голове великого народа выздороветь. Русский ум, полагал он, в силах сгладить, восполнить собственные слабости, послужить органом прогрессивного развития общества.

Третий параграф — «К спорам о современном образе России: философско-публицистические и социологические материалы» — представляет собой попытку разобраться в исключительном разнообразии представлений о национальном состоянии и исторической миссии России, а также способах формирова-

---

¹ Павлов И.П. Русский ум // И.П. Павлов: pro et contra. М., 2002. С. 124.

ния соответствующих образов — как они представлены в актуалистической философии и публицистике, печатной и интернет-сетевой.

Здесь излагаются, сравниваются и оцениваются разноречивые взгляды современных авторов (философов, учёных-гуманитариев, писателей и публицистов) относительно такого сложного и спорного концепта, какова «русская идея». Из всей этой затянувшейся дискуссии в параграфе нас в соответствии с тематикой диссертации интересовал, в первую очередь, вопрос о самом наличии такой идеи, существовании её в онтологии российской жизни рубежа XX–XXI вв., а также идейной преемственности нынешних трактовок данного концепта в виде своеобразного неославянофильства или же постзападничества. Наш анализ показал наличие по сути тех же крайностей — национализма и либерализма, церковности и секуляризма — в трактовках настоящего и будущего России, её исторического призвания, что прослеживаются и на предыдущих этапах истории культурологической мысли и политической практики.

В заключении обобщаются результаты диссертационного исследования — подводятся его основные итоги и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора.

В периодических научных изданиях, входящих в «Перечень», рекомендованный ВАК

1. Пыжова О.В. Философско-культурологические аспекты этнического образа мира / Пыжова О.В. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2010. № 20 (91). Вып. 14. С. 276–282 (0,4 п.л.);

2. Пыжова О.В. Обыденное сознание как сфера функционирования этнического образа мира в культуре социума / Пыжова О.В. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3 ч. Ч. III. С. 136–139 (0,3 п.л.);

3. Пыжова О.В. Образ России: от западничества к славянофильству (по письмам К.Д. Кавелина) / Пыжова О.В. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4 ч. Ч. I. С. 166–169 (0,3 п.л.).

Публикации в других изданиях

4. Пыжова О.В. Соотношение понятий «образ мира» и «картина мира» в гуманитарных науках / Пыжова О.В. // Наука и гуманизм: взгляд в будущее: Материалы региональной научно-практической конференции. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2008. С. 150–152 (0,2 п.л.);

5. Пыжова О.В. Этнос как проблема гуманитарного знания / Пыжова О.В. // Университетская наука: теория, практика, инновации. Сборник трудов 74-й научной конференции КГМУ, сессии Центрально-Черноземного научного

- центра РАМН и отделения РАЕН. В 3 томах. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2009. Т. III. С. 153–155 (0,2 п.л.);
6. Пыжова О.В. Феномен этнокультурного стереотипа и его влияние на межкультурную коммуникацию / Пыжова О.В. // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики. Сб. материалов конференции (посвящается Году молодёжи в России). В 2 частях. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2009. Часть 1. С. 139–142 (0,3 п.л.);
7. Пыжова О.В., Кузнецов Д.П. Формирование культурных стереотипов образа России у иностранных студентов медицинского университета / Пыжова О.В., Кузнецов Д.П. // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики. Сб. материалов конференции (посвящается Году молодёжи в России). В 2 частях. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2009. Часть 2. С. 78–82 (0,3 п.л.);
8. Пыжова О.В. В.И. Даль о русском национальном характере / Пыжова О.В. // Молодёжная политика: проблема инновационного развития в условиях экономической нестабильности: Материалы симпозиума, проведённого в Курском государственном медицинском университете 26 мая 2009 года / Под ред. В.А. Лазаренко, А.И. Конопки, Н.С. Степашова. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2009. С. 192–195 (0,3 п.л.);
9. Пыжова О.В. Отражение этнокультурных особенностей южнорусской группы населения в словаре В.И. Даля / Пыжова О.В. // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Сб. научных статей. Брянск: РИО Брянского гос. ун-та, 2009. С. 126–133 (0,5 п.л.);
10. Пыжова О.В. Образ России и русских в сознании иностранных студентов: опыт социокультурного исследования / Пыжова О.В. // Вестник философии и социологии КГУ. Курск: Курский гос. ун-т, 2010. Спец. выпуск. № 1. С. 241–243 (0,2 п.л.);
11. Пыжова О.В. Паремия как форма вненаучного знания (на материалах В.И. Даля) / Пыжова О.В. // Фольклорные традиции в контексте современной культуры и образования: Юдинские чтения – 2010: Материалы всеросс. науч.-практической конф. (Курск, 25 февр. 2010 г.) / редкол.: Л.В. Алёхина, С.Б. Каменецкая (отв. ред.), М.А. Лукина, О.В. Степыкина, С.В. Супряга (отв. секр.). Курск: Курск. гос. ун-т, 2010. С. 229–231 (0,2 п.л.);
12. Пыжова О.В. Русская народная медицина как образец этнонауки и её христианские традиции / Пыжова О.В. // Духовные ценности российского общества в XXI веке [Электронный ресурс]: Материалы VI Всероссийских научно-образовательных Знаменских чтений (22 марта – 25 марта 2010 г.). Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2010 (0,3 п.л.);
13. Пыжова О.В., Щавелёв С.П. Национальный образ мира в теории и на практике межкультурной коммуникации / Пыжова О.В., Щавелёв С.П. // Межэтническая толерантность как технология духовной практики: Материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию КГМУ, 28 сентября 2010 г. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2010. С. 22–30 (0,6 п.л.);
14. Пыжова О.В. Опыт социологического исследования представлений о России и русских у иностранных студентов / Пыжова О.В. // Межэтническая толерантность как технология духовной практики: Материалы региональной научно-

практической конференции, посвящённой 75-летию КГМУ, 28 сентября 2010 г. Курск: Издательство КГМУ, 2010. С. 34 – 36 (0,2 п.л.);

15. Пыжова О.В. Образ России в философии Н.А. Бердяева / Пыжова О.В. // Будущее России в свете реалистической философии: Материалы международной научной конференции «Будущее России: стратегия философского осмысления», проходившей во время «Дней Петербургской философии» 18–20 ноября 2010 г. СПб.: Копи-Парк, 2010. С. 128–132 (0,3 п.л.);

16. Пыжова О.В. Этнос как субъект мировосприятия / Пыжова О.В. // Этническое будущее России: научно-философское осмысление: Материалы научной конференции, проходившей во время «Дней Петербургской философии» 19 ноября 2010 г. СПб.: БГТУ, 2010. С. 162–167 (0,4 п.л.);

17. Пыжова О.В. И.П. Павлов о противоречиях русского ума / Пыжова О.В. // Православие в истории и культуре России: Материалы IV региональной молодёжной научно-просветительской конференции «Пасхальные чтения – 2010» (16 апреля 2010 г.). Курск: КГМУ, 2010. С. 133 – 136 (0,3 п.л.);

18. Пыжова О.В. Русский ум как проблема отечественного умозрения / Пыжова О.В. // Университетская наука: Взгляд в будущее: Материалы итоговой научной конференции сотрудников КГМУ, Центрально-Чернозёмного научного центра РАМН и отделения РАЕН, посвящённой 76-летию Курского государственного медицинского университета (2-3 февраля 2011 года) / Под ред. В.А. Лазаренко, П.В. Калущкого, А.И. Конопки, О.О. Куриловой. В 3 томах. Том III. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2011. С. 185–187 (0,2 п.л.);

19. Пыжова О.В. Образ России в христианской философии И.А. Ильина // История и перспективы церковно-общественного соработничества в России [Электронный ресурс]: Материалы VII научно-образовательных Знаменских чтений (22 – 25 марта). Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2011 (0,3 п.л.);

20. Пыжова О.В. Д. Эпистемология и этнология: возможности диалога (Д. Юм о национальных характерах) // Дэвид Юм и современная философия. М.: Институт философии РАН, 2011. С. 27 (0,3 п.л.).

Лицензия ЛР № 020862 от 30.04.99 г.

Сдано в набор 15.11.2011 г. Подписано в печать 17.11.2011 г.
Формат 30x42¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Rom.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,0.

Тираж 100 экз. Заказ №. 180"А".

Издательство Курского государственного медицинского университета
305041, г. Курск, ул. К. Маркса, 3.